

Почему Иран уже выиграл войну?

Причины победы Ирана: как и почему Запад игнорирует Иран на протяжении более **47** лет.

Патрик Ринггенберг

пнд 09 мар 2026

«Бог создал войну, чтобы американцы изучали географию». Марк Твен

С момента начала конфликта в субботу, 28 февраля, аналитики, такие как Аластер Крук, Ларри С. Джонсон, Дуглас Макгрегор, Джон Миршаймер, Скотт Риттер и Лоренс Уилкерсон, подробно описали риски и проблемы, которые несёт эта продолжающаяся война. Соединённые Штаты не смогут её выиграть, Иран не сможет её проиграть; однако последствия конфликта сделают проигравшими все страны региона, не говоря уже о мировой экономике, которая ощутит на себе напряжённость в Персидском заливе и за его пределами. Много сказано о безрассудстве этой войны, основанной на почти полном незнании Ирана:

отсутствии ясных целей, непредсказуемой и незаконной агрессии, тревожной военной неподготовленности и необдуманном наступлении без выхода. Ложь, которой оправдывалась атака на Иран — обвинения в том, что он якобы представляет непосредственную угрозу и готовится к созданию ядерного оружия, — напоминает те, что использовались для оправдания вторжения США в Ирак в 2003 году, которое погрузило регион в нестабильность, продолжающуюся до сих пор.

Однако есть важное отличие: Иран — это не Ирак, а разрыв между реальной ситуацией на фронте и риторикой президента Дональда Трампа и его окружения достиг беспрецедентного уровня шизофрении. В более широком смысле этот конфликт стал наглядным проявлением глобального кризиса дипломатии, разрушенного международного порядка и дисфункциональной, порой токсичной медиасистемы.

Для всех, кто хорошо знаком с Ираном, эта война стала результатом десятилетий неверного понимания и незнания ситуации в стране. Двенадцатидневная война (с 13 по 24 июня 2025 года) уже показала, что поражение Израиля, вынужденного просить о прекращении огня, было обусловлено не столько военными способностями, сколько недостатком знаний о самом Иране, его социокультурной структуре и военной мощи. Можно было бы думать, что уроки этой войны, свидетелем которой я был лично в Тегеране, были извлечены. Однако этого не произошло. СМИ и даже «эксперты» по-прежнему тиражируют целый ряд устаревших стереотипов, слышавшихся десятилетиями и которые любой серьёзный иранист легко опровергнет или уточнит: «Иран ослаблен», «режим мулл скоро падёт», «Исламская Республика лишена легитимности», «иранское общество хочет свободной и светской страны».

В контексте, в котором западные участники этого конфликта в целом демонстрируют тревожную нехватку исторических знаний, данная статья призвана выделить основные элементы, необходимые для понимания Ирана.

«Режим мулл» и другие предрассудки

Во-первых, иранцы — это не арабы. Их происхождение индоевропейское, как у западных народов, что означает, что современные иранцы ближе к западным народам, чем к арабам или туркам. Индоевропейцы, ставшие предками иранских народов (мидийцев, персов), прибыли на Иранское плато между концом II и началом I тысячелетия до н. э. С момента основания Ахеменидской империи Киром в VI веке до н. э. иранцы стали доминирующей культурой на Ближнем Востоке, который всегда был мозаикой народов, религий и культур.

В результате тысячелетней истории современный Иран характеризуется тройной идентичностью:

- В первую очередь иранская, которая уходит корнями в древность и подпитывает современный национализм;
- с VII века мусульманская, с XVI века шиитская мусульманская;
- западная, особенно с XIX века, когда европейское влияние становилось все сильнее.

Эта культурная сложность отражается на всех уровнях. Помимо национального единства, созданного династией Пахлави (1925–1979), Иран является в основном многоэтнической и мультикультурной страной. Примерно половина населения состоит из персов, а другая половина — из различных турецких или тюркоязычных групп, арабов и народов, отдаленно родственных иранцам, таких как курды и белуджи. В Иране используются три календаря (иранский, мусульманский и западный). Повседневная культура сочетает в себе иранские традиции, мусульманские ценности и элементы западной культуры. Даже Исламская Республика является гибридной системой: она одновременно является национальным государством и демократией по западному образцу, республикой, унаследовавшей конституционную революцию 1906 года, имперской державой, укорененной в тысячелетней традиции государственного управления, и системой религиозного руководства (имамокрация вместо теократии) с древними корнями.

С XVI века иранцы в основном являются шиитами, но иранский ислам имеет сложную историю и разнообразный жизненный опыт. Мусульманские обряды находятся на стыке шиизма, мистических и суфийских движений, идеи которых на протяжении веков распространялись в персидской поэзии (Незами, Аттар, Руми, Саади, Хафез, Джами), поддерживаемого государством воинственного и идеологического ислама, а также взаимодействия между религией и культурой, которое варьируется в зависимости от региона и этнической принадлежности. Вопреки секуляризирующим и проективным предрассудкам, присутствие религии в политической жизни является многовековой, даже тысячелетней традицией, представляющей собой иранский политический архетип: в этом отношении Исламская революция 1979 года лишь формализовала старый структурный принцип в рамках современной политической архитектуры.

Однако было бы ошибкой сводить Исламскую Республику к «режиму мулл», поскольку, несмотря на то, что духовенство занимает различные уровни власти, проводимая политика в основном связана с имперской традицией. С момента возникновения Ахеменидской империи (VI век до н. э.) Иран является региональной державой и на протяжении веков строил свою политику на основе

имперской политической, законодательной и административной структуры. Даже после прихода ислама в VII веке именно иранские визири управляли империями или королевствами наряду с аббасидскими халифами или турецкими султанами. Это привело к формированию традиций правления, которые после революции были частично исламизированы, но на самом деле уходят корнями в досовременную или даже доисламскую форму правления, стратегический подход и горизонт идентичности. Во многих отношениях политика Исламской Республики в меньшей степени подвержена влиянию религии, чем в Израиле, где ультраортодоксальные евреи оправдывают колониальные амбиции историческими мифами и мессианством, или в Соединенных Штатах, чья нынешняя израильская политика пронизана сионистским мессианством евангелистов.

Иран также имеет многовековые военные традиции, основанные на религиозных ценностях (мученичество имама Хосейна в Кербеле) и героических ценностях (эпическое повествование «Книги царей» поэта Фердоуси). Революционная гвардия, созданная в 1979 году для защиты новообразованной Исламской Республики, за десятилетия приобрела разносторонние знания в вопросах революции и контрреволюции, ведения конвенциональной и асимметричной войны.

В период ислама Иран был центральной культурой Ближнего Востока и распространил свое влияние на Центральную Азию и Северную Индию. Поэтому неудивительно, что Иран, за исключением Турции, обладает самым богатым и разнообразным культурным наследием из всех стран региона, которое остается живым и влиятельным до сих пор. Сильная гибридность страны является источником конфликтов идентичности и политических кризисов, но также и ее силой и одной из причин ее культурного господства в регионе. Из-за культурной сложности Ирана иранское общество столь же культурно разнообразно, сколь и политически разделено. Так было во время Исламской революции 1979 года, и так остается и сегодня. В то время как многие скорбят о смерти верховного лидера, другие винят его в политической стагнации Ирана в последние годы, культурной цензуре и геополитических решениях, которые привели к маргинализации страны на международной арене.

Существует также разрыв между элитой и населением, который имеет несколько причин. Исторически сложилось так, что всегда существовала определенная дистанция между правящей верхушкой (на протяжении тысячелетий королевской) и обществом, ориентированным на семью, корпоративные или племенные устои. Как и любое современное государство, Иран испытывает относительный разрыв между

народом и элитами, хотя Исламская Республика, в отличие от монархии Пахлави, которая закрепила единовластие одного человека, сумела лучше интегрировать население в политический процесс и строительство нации.

Однако национализм является силой, которая объединяет иранцев, преодолевая все разногласия. Так было во время ирано-иракской войны (1980-1988), когда иранцы, несмотря на социально-политические разногласия, которые могли привести к гражданской войне, объединились, чтобы защитить свою страну от иностранной агрессии. Сегодня иранцы аналогичным образом выступают единым фронтом против навязанной войны. Национализм, религиозные мотивы, имперская мощь и идеал сопротивления: учитывая эту ментальную инфраструктуру, которая не менее важна, чем баллистические ракеты, Израиль и Соединенные Штаты уже проиграли войну и, возможно, никогда не смогут добиться мира.

Почему идея «смены режима» не имеет смысла

Эксперты всех сторон уже указали на то, что, помимо незаконности израильско-американской агрессии, бомбардировки еще ни разу не приводили к смене режима. Хуже того, в случае с Ираном мелочное и безответственное убийство аятоллы Хаменеи только усилит антиамериканский национализм по всей стране, суверенистскую и антизападную позицию, лежащую в основе иранской системы, и разжигает гнев шиитов и мусульман в целом против Запада во всем исламском мире.

Следует также отметить, что убийство человека, даже если это верховный лидер, не разрушает систему, не говоря уже о политической идее; что Али Хаменеи, умерший в возрасте 86 лет, более десяти лет поднимал вопрос о своем преемнике, и что вакуум власти был фактически немислим; что верховный лидер не изолирован, а окружен множеством союзников и личностей, как явных, так и скрытых, которые образуют глубокий и обширный аппарат; что убийство Али Хаменеи сделало его мучеником и иконой, так что его смерть сделала его еще более могущественным, чем его живое присутствие. Кроме того, как мы можем хотя бы на секунду поверить, что смертоносные и разрушительные бомбовые теракты могут привести к появлению иранского правительства, которое не будет враждебно настроено по отношению к незаконным и безжалостным агрессорам? И как кто-то может поверить, что население в более чем 90 миллионов человек будет сотрудничать с режимом, навязанным извне после войны, первым актом которой стало убийство школьников?

Политическая организация Ирана представляет собой как вертикальную организационную структуру, так и мандалу. Республиканская система с ее иерархией, состоящей из парламента, министров и президента, контролируется Верховным лидером, религиозным авторитетом, который также является видимым лицом «глубинного государства», основной и центральной осью власти. Последний действительно представляет имперско-религиозную традицию Ирана, которая в отношении политических и административных практик восходит к древности, а в отношении нынешней связи между вертикальной властью и иерархическим и полицентрическим духовенством — к эпохе Сефевидов (XVI век).

Априори и в ретроспективе Пахлави кажутся модернизирующим и светским промежуточным этапом в современной истории. Исламская революция была интерпретирована как фундаменталистское возвращение к исламу, тогда как она представляет собой прежде всего пересмотр политики Пахлави, которая была единообразно и односторонне прозападной и иранофильской. Так же как Пахлави не удалось полностью вестернизировать Иран, Исламской Республике не удалось полностью исламизировать страну. Более того, вестернизация, начатая Пахлави, продолжалась под властью Исламской Республики во многих отношениях, часто косвенно, несмотря на политику исламизации и вопреки революционным намерениям. Парадоксально, но для тех, кто работает исключительно с дуалистическими историческими моделями, Иран при Исламской Республике, возможно, более современен, чем в эпоху Пахлави, когда поверхностная американизация придавала псевдомодернистский оттенок в основном архаичному диктаторскому режиму.

Более 20 лет национализм, который был запрещен во время революции, поскольку противоречил транснациональному идеалу уммы (мусульманского сообщества), стал связующим звеном, объединяющим иранцев. Даже Исламская революционная гвардия уже много лет не представляется как преторианская гвардия, защищающая революционную идеологию или идеал, а как национальные вооруженные силы, защищающие иранскую нацию. Хотя этот национализм с исторической точки зрения еще молод и вдохновлен европейскими идеями, на самом деле он имеет древние корни: речь идет об иранской идентичности, основанной на территории, которую иранцы политически и культурно контролируют с VI века до нашей эры.

Исламскую революцию можно рассматривать как разрыв с прошлым, но на самом деле она во многом продолжила эпоху Пахлави, опираясь на вековую политическую идентичность — имперскую и религиозную. Исламская Республика продолжила начатое Пахлави развитие промышленности, инфраструктуры, школ и университетов. Хотя Иран интегрировал мусульманскую повестку дня в определенные позиции и стратегические направления, на практике его политика

скорее имперская, чем идеологическая, скорее националистическая, чем панисламская, и скорее прагматичная, чем идеологическая. После Исламской революции в течение примерно 10–15 лет в политике доминировали религиозные и революционные идеалы, но сегодня Исламская Республика в основном позиционирует себя на националистическо-империалистической оси, которая была главной чертой периода Пахлави и которая, по сути, представляет собой существенную преемственность иранского присутствия с древних времен.

Это делает идею смены режима проблематичной. Хотим ли мы просто заменить лидеров? Они будут сменены в соответствии с установленными правилами политической системы — через выборы или назначения. Хотим ли мы изменить саму систему? Безусловно, можно корректировать отдельные положения организационной структуры или механизмы в политической системе, но глубинное государство и основная структура власти в Иране, укоренившаяся в истории, остаются непоколебимыми. Хотим ли мы больше демократии в Иране? Не стоит представлять себе возвращение шаха или оппонентов, которые, чтобы контролировать огромное и разнородное по населению государство, наверняка были бы столь же авторитарными, как и прежние правительства. Не было бы разумнее и ближе к самим социальным процессам и дискуссиям в Иране сосредоточиться на укреплении республиканских принципов Исламской Республики, устранении политического влияния непринимаемых на выборах институтов и пересмотре привилегий Верховного лидера скорее в моральной, чем в политической сфере? Хотим ли мы более либерального общества с меньшей цензурой? С эпохи реформаторского президента Мохаммада Хатами и с приходом новых поколений, благодаря интернету, в рамках движения «Женщина, жизнь, свобода» (2022), в Иране происходила либерализация — часто непоследовательная и с ограниченной эффективностью, но всё же реальная — которая теперь подвергается давлению из-за мер безопасности, связанных с войной и её последствиями.

Однако не должно быть никаких сомнений: Иран еще долгое время будет иметь политическую систему, которая будет носить принудительный и строго иерархический характер, поскольку эта форма правления уходит корнями в патриархальную структуру иранских семей, в традиционалистскую мозаику страны и в принцип религиозного или мистического руководства. Авторитарные тенденции широко распространены во всем политическом спектре, от реформаторов до консерваторов, которые стремятся реализовать националистические, популистские, ориентированные на развитие или исламистские программы сверху вниз.

Кроме того, тем, кто считает западную либеральную демократию высшей ценностью и «концом истории», следует помнить: либералы в Иране всегда были и остаются меньшинством, а либеральный дискурс в первую очередь характерен для иранской диаспоры, слишком западнизированной, чтобы глубоко понимать страну, о которой она часто знает очень мало, и которая далеко не ограничивается модными районами на севере Тегерана. Для многих иранцев, критически настроенных к Исламской Республике, решающими являются не всегда наши западные представления о свободе и либерализме, а скорее традиционные, культурные, религиозные и идентичностные ценности. Более того, свобода на Западе относительно условна, и западные общества, подверженные влиянию мейнстрим-медиа и коммерческих алгоритмов, часто даже не осознают, насколько ограничена их свобода и как формализовано их восприятие мира. Долговечность Исламской Республики объясняется сочетанием социального изменения и культурного возрождения: она открыла возможности для социального продвижения тех людей и групп, которые в эпоху Пехлеви были исключены или маргинализированы, и которые теперь составляют политический, административный и интеллектуальный каркас страны; она также защищает ценности, с которыми могут идентифицироваться социальные группы, не согласные с выборочной вестернизацией и модернизацией периода Пехлеви.

Что касается Резы Пехлеви, наследника престола, то он не обладает политическим влиянием, не имеет сетей внутри Ирана и не располагает необходимой экспертизой. Некоторые предлагали сценарий, вдохновлённый действиями короля Хуана Карлоса в Испании или аятоллы Хомейни в 1979 году. Однако оба сравнения здесь неуместны. Хуан Карлос обеспечил демократический переход в Испании, потому что Франко умер и будущее страны оставалось открытым. В Иране же все живы и находятся в здравии. Верховный лидер Али Хаменеи может быть устранён, но на время его отсутствия будет действовать совет, пока Экспертное собрание не назначит преемника. Если же президент умирает, его функции временно исполняет вице-президент до проведения выборов нового главы государства.

Аятолла Хомейни в 1979 году смог захватить власть благодаря сети духовенства в Иране, политическому проекту, разработанному ещё в 1970 году, и харизме, которая резко контрастировала с непотистскими интригами двора Пехлеви. Реза Пехлеви покинул Иран 47 лет назад, и он вместе со своим окружением фактически не знает свою страну. Ещё более важно, что во взглядах многих иранцев Реза Пехлеви ассоциируется с американским империализмом, который стремится подчинить Иран и сделать его сателлитом израильско-американских интересов. Сотрудничество с иностранными державами в некоторой степени было частью судьбы семьи Пехлеви: Реза-шах пришёл к власти при поддержке британцев; в 1941 году его сместили союзники, поставив на трон его сына Мохаммада-Резу;

возвращение последнего к власти после переворота против Мосаддека в 1953 году было обеспечено США и Великобританией. В отличие от своего деда и отца, которые аккуратно вели Иран по пути необходимой индустриальной модернизации, Реза Пехлеви призывает к войне против своих «соотечественников», чтобы удовлетворить израильско-американские амбиции, став при этом их простым орудием.

Наконец, нельзя забывать о культурном разрыве между иранцами, живущими в Иране, и иранской диаспорой. Хотя между ними существует некоторое взаимодействие, из-за различий в опыте и образе жизни они хоть и говорят на одном языке, но часто не понимают друг друга на глубоком уровне. Было бы опасной иллюзией полагать, что иранцы в Иране, которые десятилетиями терпят лишения, с распростёртыми объятиями примут диаспору, которая в рамках навязанного извне марионеточного правительства отнимет у них рабочие места и позиции и навяжет политическую и культурную переориентацию.

Успех Исламской революции, измеряемый более чем четырёхдесятилетней враждебностью Соединённых Штатов к Ирану, заключается в том, что она создала страну, способную противостоять внешнему вмешательству. Конечно, Исламская Республика заплатила за это высокую цену: внутри страны — из-за часто парализующих идеологических и политических напряжений между изоляционистами, которые стремятся максимально ограничить дипломатические связи и оставить лишь экономический или научный обмен, и реалистами, желающими нормализовать международные отношения с Западом; снаружи — из-за давления Израиля и США, которые всеми силами пытаются вернуть Иран в состояние (гео)политического подчинения.

Большая игра

«Большая игра» изначально обозначала соперничество между Великобританией и Россией в Центральной Азии. Сегодняшняя ситуация требует более широкого взгляда, включающего Евразию и весь Азиатский континент. Чтобы это понять, нужно вернуться к XVI веку. Испанцы и португальцы положили начало европейским колониальным империям: португальцы прибыли в Персидский залив в 1507 году. В следующем столетии англичане, французы и голландцы создавали собственные колониальные империи, при этом англичане вытеснили португальцев из Персидского залива в начале XVII века. Персия (Иран) постепенно становилась ареной иностранного вмешательства, прежде всего со стороны Великобритании и

России, которое особенно усилилось в XIX веке. В 1907 году британцы и русские даже поделили сферу влияния в Иране: первая страна претендовала на юг, вторая — на север.

При западно ориентированном правлении династии Пехлеви Иран, безусловно, получил относительный суверенитет, однако британцы сохраняли значительное влияние вплоть до Второй мировой войны, а к 1979 году американцы активно вмешивались в управление и даже политику Мохаммада-Резы Пехлеви. Свержение премьер-министра Мосаддека в 1953 году при участии ЦРУ до сих пор для иранцев символизирует контроль США над Ираном. Антизападные настроения Исламской революции были направлены на освобождение страны от политического, экономического и даже культурного вмешательства западных держав, начиная как минимум с XIX века. Эта ось суверенитета стала сердцевиной иранской системы и фундаментом её протекционистской и независимой политики: правительства могут меняться, но эта структурная детерминанта остаётся неизменной.

Западная демонизация Ирана с 1979 года может рассматриваться как продолжение имперской политики и видения, которые, не имея возможности влиять на Иран так, как раньше, стремятся контролировать нарративы (представлять Иран как негативную силу) и оправдывать меры — санкции, давление, операции по подрыву режима и теперь войну — направленные на его сдерживание. В этом контексте желание контролировать иранскую ядерную программу, восходящее ещё к эпохе Мохаммада-Резы Пехлеви, также можно понимать как продолжение многовековой имперской политики в регионе, создавшей по своей природе искажённую дипломатическую игру. Таким образом, иранская ядерная программа — лишь предлог: условия переговоров и правила игры предвзяты, а европейские дипломаты либо ослеплены своим западничеством и незнанием истории, либо становятся соучастниками или инструментом израильско-американских манипуляций. Чувствительность Ирана к палестинскому вопросу, которую западные страны из идеологических соображений стремятся свести к предвзятым шаблонам, является частью глубокого понимания Ираном западного империализма, от которого страна страдает уже более двух столетий.

С другой стороны, с I века до н. э. Иран был важным звеном так называемых «Шёлковых путей» — сухопутных маршрутов между Средиземноморьем и Дальним Востоком. С географической точки зрения он остаётся ключевым звеном и в рамках новых китайских «Шёлковых путей», запущенных в 2013 году. В глобализованном мире Иран вновь становится целью американского неоимпериализма, который возрождает пятитысячелетнюю западную имперскую стратегию и преследует как минимум шесть главных целей:

- Контроль над Ближним Востоком через дестабилизацию и ослабление центральной части регионального геополитического пазла, поскольку Иран, являющийся наследником империи, остаётся единственной надёжной и стабильной страной в регионе;
- Сохранение финансовых интересов в Объединённых Арабских Эмиратах и Саудовской Аравии, которые находятся в политической и экономической зависимости от Соединённых Штатов, через ослабление единственного регионального соперника — Ирана, который мог бы занять доминирующее положение, способное маргинализировать экономики всех стран Персидского залива;
- Прерывание восточно-западных (Средиземноморье — Азия) и северо-южных (Россия — Иран — Индия) транспортно-экономических связей через удар по стране — Ирану, который является их ключевым пересечением и основным звеном;
- Атака на интересы Китая через удар по важному поставщику нефти и ключевому звену в новых транспортных маршрутах Китая;
- Противодействие влиянию России через ослабление партнёра, который играет ключевую роль в формирующемся новом геополитическом порядке, продвигаемом странами БРИКС.
- Контроль над ресурсами страны, обладающей огромными запасами нефти (третьи по величине в мире по подтверждённым запасам) и газа (вторые по величине в мире по подтверждённым запасам).

То, чему нас учит древняя история в отношении настоящего, заключается в том, что Иран является светской региональной державой и продолжит оставаться ею. Когда ислам пришёл в VII веке, Иранское плато уже более тысячи лет было под влиянием иранских империй — Ахеменидов, Парфян, Сасанидов. В исламизированном Востоке иранская культура утвердилась как центральная, авторитетная и влиятельная, хотя правители в основном были арабами или турками. Исламская революция создала впечатление нестабильной или хрупкой страны, но это может быть оптической иллюзией: революция изменила формы власти, не затронув политические архетипы, светские практики управления и основные оси идентичности. Политическая и религиозная структура власти в Иране современна по форме, но древняя по сути: с античных времён королевская власть опирается на религиозный авторитет. Светская власть династии Пехлеви была относительно исключением, поскольку Мохаммад-Реза Пехлеви обладал мистической чувствительностью, характерной для многих иранских правителей.

Следовательно, Иран — центральная цивилизация Ближнего Востока — не рухнет. Во-первых, он слишком велик, чтобы пасть. Во-вторых, он основан на глубинной и устойчивой идентичности: независимо от изменений политической системы или дворцовых переворотов, эта идентичность остаётся ключевой осью, формирующей тысячелетнюю преемственность и обеспечивающей устойчивость иранских традиций — духовности, практик власти, семейных структур, культурного наследия и других элементов. Наконец, на протяжении примерно 2600 лет Иран является ведущей силой своего региона. Единственная страна, которая может соперничать с ним, — это Турция, наследница империи (Османской), хотя и значительно более молодой. Турки начали расселяться в Малой Азии лишь с XI века н. э., тогда как индоевропейские народы появились на Иранском плато ещё во II тысячелетии до н. э. Если бы пришлось делать ставку на будущее какой-либо страны региона, то это, без сомнения, была бы страна с самыми древними корнями и наиболее мощным культурным наследием. За исключением Турции, все остальные государства региона являются сравнительно новыми образованиями и отличаются либо хронической нестабильностью, либо структурной слабостью.

Почему Запад не понимает Иран

Каждый, кто хорошо знаком с Ираном, поражается неадекватности, бесплодности и интеллектуальной слабости западной дипломатии в отношении этой страны. Безусловно, Исламская революция породила недоверие, недопонимание и даже системную враждебность между Ираном, европейскими государствами, Соединёнными Штатами и Израилем. Спустя сорок семь лет после этой революции, несмотря на глубокие изменения в иранском обществе и даже в отдельных аспектах политической системы Исламской Республики, на Западе по-прежнему смотрят на Иран через призму целого набора предрассудков — в лучшем случае поверхностных, а в худшем — почти фантастических. За исключением эпохи реформаторского президента Мохаммада Хатами (1997–2005), единственным заметным исключением стал период 2015–2017 годов, когда подписание Совместного всеобъемлющего плана действий (ЖСРОА) открыло перспективу выгодных инвестиций в Иране. Тогда европейские СМИ на время отказались от демонизации и карикатурного изображения страны и начали представлять Иран, его культуру и потенциал в более позитивном свете, прокладывая путь к экономическому сближению.

Случай Ирана показателен для понимания того, как медиа могут конструировать реальность, оторванную от реального мира, а также для изучения эпистемологических границ академических исследований и дипломатических анализов. На самом деле исследования, рассматривающие Иран во всём его

многообразии и предлагающие взвешенную, многостороннюю и непредвзятую точку зрения, встречаются крайне редко. Такая сложная страна, как Иран, требует междисциплинарного и «целостного» подхода. Однако анализы, создаваемые аналитическими центрами, дипломатическими кругами и даже университетами, в той или иной степени страдают от односторонности, корпоративных интересов, узковедомственного подхода или идеологической предвзятости.

В общих чертах западное восприятие Ирана определяется тремя уровнями предвзятых представлений:

- Ориенталистские предрассудки, которые Эдвард Саид точно описал применительно к арабскому миру и которые в значительной степени применимы и к Ирану. Эти предрассудки укоренились в коллективном подсознании общества и в медиапространстве, формируя презрительный образ восточных народов как иррациональных, лживых, жестоких, воинственных, ленивых и находящихся вне исторического развития.
- Исламофобия, корни которой уходят в Средневековье и которая рассматривает ислам как религиозную, культурную и военную угрозу, якобы постоянно стремящуюся к завоеванию мира и к осуществлению «великого замещения» христиан мусульманами.
- Иранофобия, возникшая после Исламской революции и с тех пор подпитываемая противниками Исламской Республики (роялистами, моджахедами и др.), израильскими лобби и американскими политиками, которые до сих пор находятся под впечатлением кризиса с заложниками в посольстве США (4 ноября 1979 года — 20 января 1981 года).

К этим трём предрассудкам добавляется ещё и неоколониалистская или неоимпериалистическая парадигма, которая полностью игнорирует историю деколонизации XX века и исходит из предположения, что в мировом порядке именно западные или ориентированные на Запад страны являются нормой цивилизации и арбитрами добра и зла. Страны, которые не разделяют эту парадигму, подвергаются сомнению в своей легитимности: их суверенитет принижается, им отказывают в полноценном голосе и равном статусе. Эта асимметрия особенно очевидна в переговорах между Ираном и западными странами с 2010-х годов. Дональд Трамп вышел из соглашения 2015 года (ЖСРОА), затем европейцы фактически не выполнили его условия, хотя утверждали, что намерены его сохранить, и, наконец, в 2025 и 2026 годах Иран подвергся военным атакам. Тем не менее именно Иран систематически обвиняют в нарушении обязательств, отказе от переговоров и в дестабилизирующей роли.

Собранные о стране данные представляют собой лишь каркас, который должен быть наполнен практическими и актуальными знаниями о реальности на месте. Какими бы обширными ни были сведения, информация бесполезна без правильных инструментов её интерпретации. Нет смысла владеть персидским языком, если не понимаешь, что именно говорится и что подразумевается между строк. К сожалению, сегодня существует очень мало специалистов по Ирану, которые живут в стране или имеют длительный, непосредственный и разнообразный опыт жизни и работы там. К таким специалистам редко прислушиваются; более того, их нередко исключают из мейнстримных медиа, поскольку они мешают политикам и лоббистам, которые больше заинтересованы в собственных фантазиях, чем в реальности. Исследования и доклады об Иране чаще всего пишутся людьми, которые не знают страну напрямую или смотрят на неё исключительно через теоретическую либо устаревшую призму, а также иранцами, ориентированными на Запад и придерживающимися «нео-ориенталистского» взгляда на собственную страну и её культуру.

Иранская диаспора охотно представляет нам клише о «диктаторском режиме мулл». Однако с социологической точки зрения эта диаспора состоит из роялистов, оппозиционеров, беженцев и экономических мигрантов, которые по разным причинам критически настроены к стране, которую они на самом деле знают лишь частично. Они формируют идеализированное, а порой и нереалистичное представление об Иране и легко судят о нём, опираясь исключительно на собственный, неизбежно субъективный опыт. В медиа и поп-культуре также существуют постоянно цитируемые произведения, такие как «Чтение Лолиты в Тегеране» Азар Нафиси (2003) или графические романы Марджан Сатрапи «Персеполис» (2000–2003), которые повествуют об Иране 1980-х или начала 1990-х годов, словно страна за тридцать лет не изменилась.

В результате мы имеем страну, о которой все говорят, но которую никто за пределами Ирана по-настоящему не знает. Последствия этого незнания крайне серьезны: победа Ирана в 12-дневной войне стала также поражением израильской и американской разведки и, в более широком смысле, поражением культурного знания об Иране. Четыре фундаментальные ошибки в итоге вынудили Израиль потребовать прекращения конфликта:

- Военный аспект: недооценка военной мощи и организационной силы Ирана, что проявляет западную высокомерность, склонную принижать или умалять способности других. fundierten strategischen Herangehensweise gewaltsam zurückzuschlagen, was ebenfalls eine „orientalistische“ Verachtung offenbart, die den Gegner unterschätzt;

- Стратегический аспект: иранцы не колебались и ответили с применением тщательно продуманной и обоснованной стратегической тактики, что также выявляет «ориенталистское» презрение, заключающееся в недооценке противника.
- Политический аспект: иранское государство не рухнуло, вопреки прогнозам, игнорировавшим глубоко укоренившиеся структуры власти в стране.
- Культурный аспект: иранцы выступили единым фронтом против врага, а не восстали против собственного правительства, что демонстрирует непонимание психокультурных механизмов внутри страны.

Современная война, как мы уже отмечали, выявляет те же самые ошибки, и возникает вопрос: не является ли история и опыт подобием фонаря, висящего за нашими спинами — он освещает лишь то, что мы забыли, но не показывает реальность перед нашими глазами. То же самое недопонимание лежит в основе эмбарго против Ирана — настоящей экономической войны, которая ведётся уже 47 лет.

С момента Исламской революции Иран подвергается санкциям, которые с течением десятилетий становились всё жёстче и всё более масштабными. Хотя экономика Ирана страдает и особенно за последние два десятилетия постоянно ухудшается, эмбарго не смогло свергнуть иранское государство и даже не пошатнуло его. Следует признать, что санкции по сути являются вопросом политической коммуникации и маркетинга и часто имеют мало общего с дипломатической эффективностью или реальным пониманием ситуации. Они служат для удовлетворения общественного мнения или интересов лобби, но при этом имеют недостаток: они редко сопровождаются эффективной или компетентной политикой.

Эмбарго против Ирана прежде всего представляет собой балет лицемерия и демонстрацию цинизма. Соединённые Штаты через фиктивные компании предоставляли себе исключения, в то время как другим странам (европейским или азиатским) запрещался торговый обмен с Ираном.

Вредоносные последствия эмбарго в основном затрагивают население, а не правительство или элиту, которая по-прежнему имеет доступ к нефти, газу и таможенным доходам. Эмбарго также создаёт форму извращённой солидарности между изоляционистами внутри иранского государства, которые хотят разорвать все связи с Западом, и западными лоббистами или политиками, стремящимися изолировать Иран на международной арене. Оно укрепляет также корыстное соучастие между государственными и полугосударственными организациями в Иране, которые благодаря эмбарго контролируют чёрный рынок и теневую экономику, и деловыми кругами, особенно в США, которые тайно накапливают

капиталы через параллельные каналы и освобождают компании, торгующие с Ираном, от санкций. Наконец, эмбарго привило иранцам менталитет, заставляющий их обходить правила, лгать или обманывать, чтобы получить доступ к услугам, которые им закрыты как на индивидуальном, так и на государственном уровне. Эти устоявшиеся десятилетиями привычки будут крайне трудно искоренить в случае будущей экономической нормализации отношений между Ираном и западными странами.

Некоторые выводы (до конца войны)

47 лет давления, войны и пропаганды со стороны Запада в отношении Ирана в итоге привели к результатам, противоположным тому, чего надеялся и желал Запад. Они укрепили изоляционистскую и ультраконсервативную ось в иранском правительстве, милитаризовали государство в ущерб политическому плюрализму, радикализировали даже самые умеренные элементы, спровоцировали национальное единство в политически расколотой стране, нанесли ущерб экономике в ущерб населению и в пользу чёрного рынка и скрытых или мафиозных экономических схем, а иранское население, которое в целом позитивно относится к западной культуре и часто находится под её влиянием, оказалось отчуждённым от Запада.

Иран никогда не имел возможности развиваться в мирной среде. Когда президент Джордж У. Буш в 2002 году включил Иран в «ось зла», это подорвало реформаторскую политику президента Хатами и укрепило силы в Иране, которые не желают ни нормализации, ни дипломатических контактов с Западом. Необъяснимый выход Дональда Трампа из Совместного всеобъемлющего плана действий (ЖСРОА) в 2018 году разрушил экономическую политику президента Рухани и вынудил Иран обратиться к Китаю и России, ещё сильнее закрепив его позиции в геополитической новой конфигурации, проявляющейся в росте стран БРИКС. В июне 2025 года и затем в феврале этого года Иран подвергся атакам, хотя переговоры ещё шли. Эти удары, юридически незаконные, морально предательские и военно трусливые, в сочетании с заявлениями ключевых западных стран (Германии, Франции и Великобритании), подтверждавших ложь и нарушения США международного права, давно уничтожили любую возможность диалога и даже перспективу решения конфликта.

Современная война лишь усилит антизападные настроения в Иране, закрепит суверенный национализм и окончательно утвердит поворот страны на Восток (Россия, Китай), начавшийся после 2018 года. Она также побудит иранцев задуматься о производстве или приобретении ядерного оружия, хотя доктрина

сдерживания Ирана этого не требует: ракеты являются достаточным и адекватным ответом на агрессию. Однако, как показывает пример Северной Кореи, само наличие ядерного оружия способно сдерживать потенциальные нападения.

В 2003 году вторжение США в Ирак было мотивировано государственной ложью, распространяемой с участием соучастнических СМИ — якобы наличие у Саддама Хусейна оружия массового уничтожения. Последующее американское «болото» было вызвано не столько нехваткой военных ресурсов, сколько структурной неспособностью понять историю и культуру других народов и адаптировать к этому свою политику.

В результате Иран смог получить преимущество и благодаря ошибкам Америки внедриться практически во все уровни иракского истеблишмента. Из этого можно сделать вывод, что аналогичная логика применима и к нынешней войне: Иран выйдет победителем, вытеснит американцев из Персидского залива, предложит странам неприсоединения (Глобальному Югу, государствам БРИКС) модель сопротивления и противовеса западному неоимпериализму, а также обеспечит геополитическую переоценку сил на Ближнем Востоке, которая будет определять регион на десятилетия вперёд. Нет сомнений, что в определённых иранских кругах, давно готовившихся к этой конфронтации, эта война рассматривается также как шанс установить новую геополитическую систему на Ближнем Востоке. Ошибки Израиля и США кажутся «божественным» инструментом, позволяющим укрепить имперский Иран и рассчитаться со всеми (явными или скрытыми) акторами региона.

Если в конфликте преимущество определяется равновесием между силой и знанием, то уже сейчас можно увидеть, что западные страны стали жертвами не только комплекса военного превосходства, но и западного подхода к миру. Пропитанные израильско-американской огневой мощью, они не могут и не хотят признать, что разрушению подвергаются именно их собственный мир и их мировоззрение. Это не только дипломатическое поражение, но и политическая, академическая и даже эпистемологическая неудача. Европейские и западные дипломаты ослеплены американской геостратегической парадигмой, неспособной понять не-западные общества. В университетах изучают Иран, но эти знания явно не влияют на политические решения, что создаёт опасный разрыв между экспертизой и процессом принятия решений. Проблема также касается определённых академических кругов и исследовательских институтов, которые не способны выстроить релевантный и многомерный взгляд на Иран: они либо ограничиваются претенциозными утверждениями и анекдотичными материалами,

либо рассматривают страну через устаревшие, неподходящие или узкие аналитические рамки, либо, что ещё хуже, просто следуют партийным интересам и идеологическим директивам.

Мы живём в парадоксальные времена. Никогда прежде не говорилось так много об интеллекте (искусственном или ином), и никогда прежде у нас не было такого объёма данных и информации. В то же время в большинстве западных стран политические и военные лидеры, а также их советники и дипломаты никогда ещё не были столь опасно невежды, неосведомленными и безответственными. Редко когда ненависть к одной стране — к Ирану — подпитываемая десятилетиями пропаганды, маскируемой под информацию, так сильно искажала суждения и толкала СМИ и политиков в состояние иррациональности. Баланс сил и чрезвычайная конъюнктура (Ближний Восток после 7 октября 2023 года, подход Дональда Трампа «Follow-the-Leader» в израильской политике) сделали нынешние события возможными. Ранее было бы желательно, чтобы различные акторы соответствовали моральным стандартам своих позиций: развивали сбалансированное и плюралистическое понимание иранской действительности в частности и сложности Ближнего Востока в целом — основу любой научной методологии; соблюдали международное право, что является фундаментальной обязанностью любого государства в мировой системе; приоритизировали ответственную дипломатию на основе полного и актуального знания — ключевое требование международных и межкультурных отношений.

В данном случае война — это не продолжение политики другими средствами (Карл фон Клаузевиц), а просто трагический результат человеческой ошибки. Мы можем извлечь уроки из многовековой культуры Ирана, особенно из «Книги царей» (Шахнаме) Фирдоуси, персидского эпоса XI века: нет ничего хуже упадка разума; знание без мудрости бессмысленно; кто хочет жить, должен уметь умереть; и без справедливости мир не сможет выжить.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Иран Буш, Джордж У. Клаузевиц, Карл фон Хусейн, Саддам Миршаймер, Джон Моссадег, Мохаммад Пехлеви, Мохаммад Реза Ша Риттер, Скотт Трамп, Дональд БРИКС Глобальный Юг